

Калинина И.В.

(Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)

О ЛЕВШИНСКОМ ЭТАПЕ КАМСКОГО НЕОЛИТА

Ключевые слова: мезолит, неолит, энеолит, каменный инвентарь, керамические комплексы, камская неолитическая культура, гаринская культура.

В статье анализируются материалы первого известного на территории Пермского края археологического памятника эпохи неолита – Лёвшинской стоянки. Делаются выводы о неоднородности материалов стоянки и возможности выделения комплексов эпохи мезолита, неолита и энеолита (гаринская культура).

Kalinina I.V.

(The State Hermitage Museum, St. Petersburg)

ON THE LEVSHINSKY STAGE OF KAMA NEOLITHIC CULTURE

Keywords: Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, stone implements, ceramic complexes, Kama Neolithic culture, Garinskaya culture

The article analyzes the materials of the Levshino site, the first known archeological site of the Neolithic epoch in Perm Region. It is found out that the materials of the site are heterogeneous. Complexes of Mesolithic, Neolithic and Eneolithic epochs (Garinskaya culture) could be marked out.

Лёвшинская стоянка, открытая в 1890 г. И.Н. Глушковым и С.И. Сергеевым, частично раскопанная в 1925 г. А.В. Шмидтом (Шмидт, 1940) и в 1934 г. Н.А. Прокошевым (Прокошев, 1940), сыграла весьма заметную роль в изучении неолита и энеолита Восточной Европы. На основе материалов Лёвшинской стоянки, использованных многими авторами в обобщающих и частных работах, не только сложились представления археологов о камском неолите, но до сих пор этот памятник служит одним из хронологических эталонов, как для поздненеолитических культур Урала, так и для гораздо более широких территорий, смежных Уралу.

Вместе с тем, теперь, когда мы располагаем в Прикамье большим числом исследованных памятников, позволивших построить *дробные периодизации* развития материальной культуры эпохи неолита – раннего металла в Прикамье (Бадер, 1961, 1970; Халиков, 1960, 1969; Габяшев, 1978), имеющиеся публикации Лёвшинских материалов уже явно недостаточны для сравнения последних с материалами других памятников. Вследствие этого понятия «*лёвшинский этап*», керамика «*лёвшинского типа*» начинают обретать у разных исследователей все более расплывчатые очертания. Назрела необходимость вновь обратиться к материалам с Лёвшинской дюны и посмотреть на них через призму современных представлений о развитии археологических культур неолита – ранней бронзы в Прикамье.

Лёвшинская стоянка расположена на дюнообразных песчаных всхолмлениях первой надпойменной бортовой террасы, высота которой 9–12 м над уровнем реки (Бадер, 1957). Оба руководителя раскопок, А.В. Шмидт и

Н.А. Прокошев, отмечали отсутствие прослоек в культурном слое стоянки, его стратиграфическое единство, что привело их к выводу и о хронологическом единстве содержащихся в нем культурных остатков.

Однако уже в конце 1940-х гг. П.П. Ефименко и О.Н. Бадер указывали на хронологическую неоднородность лёвшинских материалов (Ефименко, 1948; Бадер, 1950). Поэтому, прежде чем говорить о лёвшинском этапе камского неолита, необходимо выделить относящийся к нему культурный комплекс среди многочисленных археологических коллекций с лёвшинской дюны.

В 1973 г. автором статьи совместно с О.Н. Бадером была подготовлена публикация лёвшинских материалов. О.Н. Бадером были изучены коллекции Пермского областного музея (находки из раскопок А.В. Шмидта 1925 г. и часть старых сборов), Свердловского областного музея (сборы С.И. Сергеева и И.Н. Глушкова); автором настоящей статьи исследованы коллекции, хранящиеся в Государственном Эрмитаже (материалы раскопок Н.А. Прокошева 1934 г., сборы А.В. Шмидта 1932 г. и Н.А. Прокошева 1937 г.). В итоге была написана статья «Культурные комплексы Лёвшинской стоянки», где О.Н. Бадеру принадлежит характеристика каменного инвентаря и описание керамики одного из разделов в соответствии с обработанными коллекциями.

Несмотря на то, что предварительно не была выработана единая методика исследования, наши выводы о культурной и хронологической принадлежности керамических комплексов полностью совпали, что нашло отражение в совместно написанном заключении. Статья, к сожалению, осталась неопубликованной, и мы вынуждены включить в настоящую работу описание выделенных культурных комплексов. Приводимые цитаты и выводы из указанной статьи даются в дальнейшем без специальных ссылок на неё.

О.Н. Бадер для упомянутой статьи составил сводный план раскопок А.В. Шмидта и Н.А. Прокошева (рис.1) и отметил: «обширность Лёвшинской дюны, удаленность раскопок 1925 г. и 1934 г. друг от друга – дополнительный аргумент расположения здесь не одного, а нескольких разновременных поселений. Нельзя не обратить внимания на редкость мелких ножевидных пластин в восточной части дюны и обилие их в центральной, наиболее возвышенной части дюны. По статистической таблице Н.А. Прокошева, ножевидные пластинки найдены почти исключительно в расположенных рядом раскопах III, V и в соседнем раскопе А (Прокошев, 1940, с.33) (рис.1). На западной оконечности дюны, в раскопе I, ножевидных пластинок найдено всего 5, на восточной в раскопе V – только 1, а ещё дальше за раскопом А.В. Шмидта – ни одной.

В раскопах I, V, А кроме 79 ножевидных пластинок с ретушью и без неё, найдены все имеющиеся в коллекции концевые скребки (4 экз.), наконечники стрел на пластинах (4 экз.) и почти все мелкие нуклеусы, судя по иллюстрациям, – микролитического облика (10 экз.). Таким образом, микролитический кремневый комплекс насчитывает до 100 предметов. Мы не располагаем точными данными о глубине залегания последних, но, судя по коллекционной описи раскопок 1934 г. (Государственный Эрмитаж), только 2 ножевидные пластинки найдены в «слое 1» остальные залегают глубже, в частности в кострищах раскопов III и V.

Выделенный микролитический комплекс соответствует представлениям о камском мезолите. Таковы ножевидные пластинки и соответствующие им нуклеусы, концевые и миниатюрные круглые скребочки, острия с ретушью по двум краям, а также наконечники стрел на ножевидных пластинах с черешками.

Многие сечения пластинок несут тонкую краевую ретушь, что столь типично для мезолитических вкладышей (рис. 2).

Судя по характеру кремневого материала, *Лёвшинская мезолитическая стоянка* принадлежит к числу наиболее поздних – *нижнеадищенского типа*. Особенностью лёвшинского мезолитического комплекса является наличие единичных наконечников стрел на ножевидных пластинках с выделенными короткими черешками и остриями, несущими тонкую плоскую подретушовку со стороны брюшка (рис. 2/1, 2). Как известно, подобные наконечники характерны для волго-окского мезолита, в Приуралье же в мезолитических комплексах они до сих пор известны не были (Бадер, 1966). Но принадлежность их к мезолитическому комплексу в Лёвшино нельзя считать абсолютно достоверной по причине залегания их не в стратиграфически выраженном мезолитическом слое. Единичные находки аналогичных наконечников известны на стоянках развитой бронзы в низовьях р. Чусовой, например, на поселении Бор V (Бадер, 1961).

Среди более поздних материалов с Лёвшинской дюны выделена *неолитическая керамика*. 700 неолитических фрагментов (около 120 сосудов), хранящихся в Государственном Эрмитаже, сопоставимы с описанными О.Н. Бадером (рис. 3/1–13; 4/1–18). О.Н. Бадер выделил 134 неолитических сосуда, считая эту цифру максимальной, ибо часть обломков с разным орнаментом, по его мнению, могли относиться к одним и тем же сосудам; большинство сосудов представлено всего одним фрагментом и лишь один сосуд насчитывает 55 обломков.

В коллекциях отсутствуют фрагменты днищ, но, судя по отдельным фрагментам от придонных частей сосудов, последние были, по-видимому, с округло-коническими днищами. О.Н. Бадер считал, что днища сосудов были скорее круглыми, а не коническими. По нашим подсчетам, прямые венчики составляют 52%, вогнутые внутри – 38%, незначительно отогнутые наружу – 10%. Диаметры, измеренные у 6 сосудов по внутреннему краю венчика, распределяются равномерно в пределах от 10 до 40 см. По данным О.Н. Бадера, диаметры венчиков 11 сосудов варьируют от 18 до 42 см, из них у трёх сосудов диаметр 36 см, у двух – 38 см. Толщина стенок от 0,7 до 1,3 см; у подавляющего большинства сосудов – 0,8–1,0 см.

Что же касается соотношения толщины стенок сосудов и венчиков, то О.Н. Бадер отметил следующее: «Шейки тоньше стенок на 1–2 мм. Только один венчик по толщине равен шейке, остальные тоньше шеек на 2–4 мм». У нас же несколько иные данные: венчики равные по толщине стенкам составляют 46%, приостренные кверху – 9%, расширенные кверху – 15%. Выделены также венчики с «наплывами» с внутренней стороны, которые составляют 42% (рис. 3/1–2). Преобладают «наплывы», превышающие толщину стенок на 0,1–0,2 см; реже «наплывы» толще стенок на 0,3 см и более. Ширина «наплыва», измеренная от наиболее выпуклой его части до обреза венчика, колеблется от 0,8 до 1,5 см. Обрезы венчиков различны: они либо округлые, либо срезаны горизонтально. Венчики подразделяются также на симметричные – центральная часть среза перпендикулярна стенке сосуда (46% венчиков) и асимметричные – центральная часть среза под некоторым углом к стенке (54% венчиков).

В глиняном тесте наблюдается примесь шамота, зерна которого иногда более 2 мм в диаметре. Шамот придает большую механическую прочность керамике, расслаивающихся фрагментов в коллекции менее 8%. У 15% сосудов в глиняном тесте имеется в небольшом количестве примесь мелкого песка. Иногда

в изломе фрагментов наблюдается незначительная пористость из-за употребления органической примеси. Присутствие в глиняном тесте небольших кусочков охры, возможно, объясняется природным составом используемых глин.

Изготавливались сосуды ленточным способом. Судя по пяти фрагментам, расслоившимся по стыку лент, соединение лент производилось внахлест. Как правило, только на внутренней поверхности сосудов иногда прослеживаются неглубокие царапины и бороздки, имеющие преимущественно горизонтальное направление – следы первоначального выравнивания поверхности пучком травы (?) или щепкой (?). Подобные следы уничтожались при последующем заглаживании стенок. Особенно тщательно сглаживалась внешняя поверхность сосудов. У 28% сосудов внешняя поверхность заглажена до блеска, а у 7% сосудов также обработана внутренняя поверхность.

Преобладают фрагменты серо-желтого цвета, 21% имеют красноватый оттенок. Различия в окраске внешней и внутренней поверхности незначительны. Лишь отдельные черепки с внутренней стороны более темных, серых тонов. Часто в изломе фрагменты неоднородны по цвету. Встречаются двуслойные – темный слой ближе к внутренней поверхности (в двух случаях – ближе к внешней поверхности), реже трехслойные с темным слоем в середине.

На внутренней поверхности 13% сосудов фиксируются следы гари и накипи. На внешней поверхности сосудов гарь и накипь прослеживаются очень редко. Три фрагмента от крупных сосудов имеют явные следы закрашивания охрой. На одном фрагменте – охра на внутренней стороне.

На 13 фрагментах стенок и 3 фрагментах венчиков имеются конические сверлины (с внешним диаметром 0,5–1,5 см и с внутренним диаметром – 0,2–0,8 см), сделанные уже на обожженных сосудах (рис.3/1; 4/18). По О.Н. Бадеру, «на 3 сосудах имелись круглые отверстия, высверленные снаружи и располагавшиеся в нижней половине сосудов» (рис.3/13).

Все сосуды орнаментированы. Характерно членение орнаментируемой поверхности на горизонтальные пояса: широкие зоны из длинных гребенчатых оттисков чередуются с узкими, из коротких оттисков. Орнаментальные зоны вплотную примыкают друг к другу, лишь на некоторых сосудах наблюдается разреженность орнаментов (табл. 1).

Таблица 1. Ширина неорнаментированного пояса

Ширина (см)	0,5–1	1,0–1,5	1,5–2,0	2,0–2,5	2,5–3,0	> 3,0
Кол-во сосудов	8	3	6	4	1	2

У 64% сосудов орнаментация начинается от края венчика, у 20% – отступая на 0,2–1,3 см от края; зафиксировано два случая наличия гребенчатых оттисков на внутренней стороне венчика. О.Н. Бадер отметил орнамент из косо поставленных гребенчатых оттисков на внутренней стороне венчиков у 6 сосудов из 22, сохранивших части шеек.

При орнаментации преимущественно использовались разной формы гребенчатые штампы. Встречаются оттиски длиной до 3,5 см, чаще длиной от 1,5 до 2,5 см. На оттисках прослеживается от 5 до 25 зубчиков, больше 10 – сравнительно редко. Ширина оттисков колеблется от 1 до 2 мм, лишь иногда они шире 2 мм. Преобладают отпечатки зубчиков прямоугольной формы: 54%

вытянуты перпендикулярно длинной оси; 16% – вытянуты параллельно длинной оси; 8% – квадратные, 9% – косая нарезка, 9% – сегментовидные, 3% – округлые. Отпечатки зубчиков не всегда соответствуют форме зубчиков штампа. Так, сегментовидные (иногда приближающиеся к трапециевидным) оттиски получаются, когда штамп ставится не перпендикулярно, а под углом к поверхности сосуда. Но подобный прием орнаментации для рассматриваемой керамики был не характерен. При нанесении орнамента, как правило, на каждый зубец штампа приходится одинаковый нажим. Больше надавливание на верхние зубцы отмечено приблизительно на 4% сосудов, на нижние – на 5% сосудов, одновременно на верхние и нижние – на 5% сосудов.

Как дополнительный элемент при орнаментации использовались ямчатые вдавления. Они наносились углом штампа или концом палочки (?), имеют незначительную неодинаковую глубину, разнообразны по форме. Круглые, в отличие от ямок ямочно-гребенчатого неолита, не столь правильной формы. Выпуклины («жемчужины») от ямок на внутренней поверхности сосудов отсутствуют. Ямчатые вдавления встречаются в разделительных зонах. Совместно с гребенчатыми оттисками ямчатые отмечены на 7 фрагментах. 8 фрагментов, по-видимому, относятся к сосудам, целиком орнаментированным ямчатыми вдавлениями. По О.Н. Бадеру, в коллекции из раскопок А.В. Шмидта «лишь на одном сосуде, толстостенном и архаичном на вид, орнамент в виде неглубокой ямки покрывает большую часть сосуда – его среднюю и нижнюю трети».

Орнаментальные композиции объединены нами в следующие группы:

Первая группа композиций (6 сосудов): – основные зоны образуют длинные, вертикально поставленные оттиски; – разделительные зоны состоят из коротких оттисков (4 сосуда), рядов горизонтально расположенных длинных оттисков (1 сосуд) или разделительную зону заменяет неорнаментированный пояс (1 сосуд).

Вторая группа композиций (21 сосуд): – основные зоны из косо поставленных длинных оттисков; – разделительные зоны отсутствуют (2 сосуда); состоят из рядов (от 1 до 3-х) ямчатых вдавлений (4 сосуда), на остальных сосудах такие же, как в первой группе композиций.

Третья группа композиций (10 сосудов): – основные зоны состоят из длинных оттисков, имеющих в соседних зонах наклон в разные стороны; разделительные зоны отсутствуют (6 сосудов), представляют собой горизонтальный зигзаг (1 сосуд), на остальных сосудах такие же, как в первой группе композиций.

Четвертая группа композиций (32 сосуда): – основные зоны – ряды «шагающей гребенки»; – разделительные зоны на 14 сосудах отсутствуют, на 1 сосуде их заменяет неорнаментированный пояс, на 4-х сосудах – ряды коротких овальных оттисков, на 1 сосуде – ряд ямчатых вдавлений, на 3 сосудах – горизонтальный зигзаг, выполненный короткими насечками. На 6 сосудах ряды «шагающей гребенки» чередуются с рядами длинных наклонных гребенчатых оттисков; на 1 сосуде – с рядами вертикально поставленных оттисков. На 2 сосудах от горизонтальных рядов «шагающей гребенки» вниз отходят диагональные ряды «шагающей гребенки».

Пятая группа композиций (9 сосудов): – орнамент из рядов коротких овальных оттисков, на 1 сосуде разделенных неорнаментированными поясами, на 6 сосудах – горизонтальными рядами длинных оттисков, на 1 сосуде – горизонтальным зигзагом из коротких овальных оттисков. На 1 сосуде от

горизонтального ряда косо поставленных коротких овальных оттисков вниз отходят диагональные ряды таких же оттисков.

Шестая группа композиций (I сосуд): – горизонтальные ряды взаимопроникающих друг в друга заштрихованных треугольников, выполненных гребенчатым штампом, которые разделены горизонтальными рядами длинных оттисков.

Седьмая группа композиций (I сосуд): – орнамент в виде сетки с ромбическими ячейками из гребенчатых отпечатков.

Аналогичные композиции были выделены О.Н. Бадером, который писал: «Орнамент исключительно зональный. Преобладают круговые пояса из косых, наклонных отпечатков зубчатого штампа, иногда образующих горизонтальные "ёлочки". На 37 сосудах орнамент в виде остроугольного зигзага – "шагающая гребенка". Встречается решетка, образующая ромбы».

Перечисленные нами композиции комбинируются на сосудах с разными по орнаменту бордюрными зонами, ширина которых не превышает 4 см. Для бордюрной зоны наиболее характерен (по частоте встречаемости на сосудах и числу вариантов сочетаний с различными композициями) орнамент из косо расположенных коротких, овальных гребенчатых оттисков. Орнамент бордюрной зоны из горизонтального ряда коротких вертикальных насечек присутствует на сосудах с орнаментами пятой группы. Орнамент из диагональных рядов коротких овальных гребенчатых оттисков – с композициями второй группы. Орнамент из гребенчатых оттисков в виде сетки с круглыми ямками в ячейках – с орнаментами пятой группы. Из-за фрагментарности материала другие возможные сочетания орнаментов на сосудах остались не выяснены. На 13 сосудах бордюрная зона отсутствует: у 9 сосудов узор первой зоны совпадает с орнаментом основных зон, у 4 сосудов – орнаментом разделительных зон.

Описанный комплекс гребенчатой керамики по всем признакам относится к камскому неолиту. Однако следует обратить внимание на единичные фрагменты с оттисками изогнутых зубчатых штампов. При нанесении орнамента штамп ставился не перпендикулярно, а с наклоном по отношению к поверхности сосуда (рис. 9/5,6). Ни форма штампов, ни способ орнаментации не характерны для камской керамики. Г.М. Буровым в районе Синдорского озера выделена раннебронзовая керамика (тип II) (Буров, 1967, с. 94–102), в орнаментации которой как будто бы усматриваются аналогии данным лёвшинским фрагментам. К сожалению, последние слишком малы и по ним нельзя установить форму сосудов. Наибольшее сходство имеется с оттисками фигурно зубчатых, по Г.М. Бурову, штампов на сосудах поселения Вис I. Надо заметить, что именно на этом поселении обнаружены фрагменты, хотя весьма немногочисленные, но бесспорно относящиеся к камскому неолиту (Буров, 1967, с. 69–70, 74–76).

Наряду с камской неолитической керамикой в лёвшинских коллекциях присутствуют *фрагменты зауральского происхождения*. Всего по примеси талька в глиняном тесте выделено 20 фрагментов. В большинстве случаев частицы талька образуют мало заметные вкрапления, но шесть фрагментов жирные на ощупь, и кусочки талька хорошо различимы на поверхности. За исключением трёх с гребенчатыми оттисками, на всех фрагментах с тальком – прочерченный орнамент. Последний присутствует и на нескольких фрагментах без примеси талька. Вместе с гребенчатыми оттисками прочерк не встречен ни разу. Прочерченный орнамент наносился как палочкой (?) с округлым концом (из-за неравномерного нажима дно бороздок неровное), так, возможно, и каменной плиткой, дающей глубокий врез с подтреугольным сечением. На девяти

фрагментах композиции из взаимопроникающих друг в друга заштрихованных треугольников (рис. 9/1), на двух – орнамент в виде сетки. О.Н. Бадер отметил два сосуда с прочерченным орнаментом.

Кроме неолитической камской и зауральской керамики по материалам из Лёвшино, хранящимся в Государственном Эрмитаже, выделена *группа накольчатой керамики*, насчитывающая 1203 фрагмента (рис. 9/8–18).

Фрагменты небольшие, как правило, не более 3 см в диаметре. Толщина стенок от 0,5 до 0,7 см.

Цвет поверхности серо-желтый, несколько фрагментов коричневатокрасные. Внутренняя поверхность иногда темно-серого цвета. В изломе черепки часто черные, реже встречаются двухслойные и трехслойные по цвету.

Глиняное тесто плотное, с примесью очень мелкого песка. В изломе бывает заметна примесь шамота и очень мелкие пустоты от выгоревших органических примесей. Поверхность фрагментов выровнена, реже тщательно сглажена. На внутренней поверхности часто наблюдаются тонкие штрихи, возможно от сглаживания поверхности пучком травы.

Остатки гари встречаются на внутренней, но чаще на внешней поверхности.

На 7 фрагментах имеются конические сверлины с внешним диаметром 0,3–1,0 см, с внутренним – 0,2–0,6 см.

В трёх случаях определен налеп глиняных лент встык.

Н.А. Прокошев не отделял накольчатую керамику от гребенчатой, и получалось, что последняя имела как конические, так и плоские днища. Однако оказалось, что плоские днища, вернее уплощенные, слегка вогнутые внутрь, относятся к накольчатой керамике.

В коллекции имеется еще 33 обломка от подобных днищ. Толщина их около 1 см, т.е. они на несколько мм толще стенок. Венчики накольчатых сосудов слегка отогнуты наружу, реже – вогнутые внутрь. Обрезы венчиков скруглены, срезаны горизонтально или скошены внутрь.

Орнаментированные фрагменты составляют менее 15%. Процент орнаментированных венчиков к общему числу венчиков составляет 60%, орнаментированных фрагментов стенок – менее 15%. Орнаменты состоят из мелких или более крупных наколов, расположенных отдельно или вплотную друг к другу. Выполнены они палочкой с заостренным или закругленным концом. Если при нанесении орнамента палочка не отрывалась от поверхности, то получался либо прочерк, либо при периодическом надавливании – ячеистая линия – т.н. «отступающая палочка». Между прочерком и «отступающей палочкой» нет резкой границы: при редком, слабом надавливании дно прочерчиваемой линии почти ровное – «отступающая палочка» сближается с прочерком. На двух фрагментах оба приема орнаментации встречены вместе, причем использовалась одна и та же палочка.

Обрез венчика с внешней и внутренней стороны, либо с одной стороны орнаментирован насечками. Также насечки имеются и по внешнему контуру днищ. Видимо к описываемому комплексу не относится венчик с расчлененным валиком и с насечкой по краю (рис. 6/22). Аналогичный был найден на поселении Бор I в Среднем Прикамье (Бадер, 1961, с. 54, рис. 27/7).

Орнаменты на венчиках – горизонтальные ряда частых наколов. На одном венчике диагональные ряды наколов, выполненные «отступающей палочкой». Прочерком наносилась горизонтальные линии, зигзаг, с более или менее скругленными углами, иногда перемежающийся с рядами наколов.

На фрагментах стенок орнамент, как правило, разреженный – это либо отдельные ряды наколов, либо горизонтальный зигзаг из наколов, нанесенных тонкой, заостренной палочкой, либо прочерченные линии, расположенные под углом друг к другу. Один фрагмент от маленького сосулика сплошь орнаментирован частыми глубокими наколами с подтреугольным дном (рис. 6/8).

Комплекс накольчатой керамики с Лёвшинской стоянки находит аналоги в волго-камской керамике Нижнего Прикамья. Несколько фрагментов (рис. 6/2–4), возможно, относятся к керамике с «насечками», выделенной на поселении Сауз I (Калинина, 1980, с. 13–14).

Керамика эпохи раннего металла с Лёвшинской дюны, по сравнению с неолитической, немногочисленна. Нами определено 118 фрагментов. О.Н. Бадер выделил около 150 обломков «максимум от 34 сосудов, из которых только 12 сохранили шейки».

90 фрагментов из коллекций, хранящихся в Государственном Эрмитаже, с рыхлым пористым тестом (рис.7/9-16). На поверхности – многочисленные выщерблины от выгоревших при обжиге органических примесей, фрагменты серо-желтого цвета, некоторые коричневатых тонов. На внутренней, реже на внешней поверхности хорошо различимы параллельные бороздки, образовавшиеся при сглаживании сосудов зубчатым орудием.

Толщина фрагментов от 0,7 до 0,9 см.

Судя по имеющимся фрагментам, сосуды были с прямыми или слегка вогнутыми внутрь венчиками. По данным О.Н. Бадера, один сосуд имел довольно высокую, прямую шейку и резко отогнутый наружу венчик.

Обрезы венчиков скруглены или срезаны горизонтально. Один венчик, сплюснутый сверху, – "Г"-образной формы. Наличие подобных венчиков, «с характерной приплюснутостью сверху, делающей толщину их на 0,3–0,5 см больше толщины смежных частей шеек», отметил и О.Н. Бадер. У одного описанного им венчика по срезу «широкие, правильно чередующиеся вдавления, сделанные пальцем или другим предметом, что придает венчику вид как бы гофрированного» (рис.7/15). В коллекциях, исследованных О.Н. Бадером, обнаружены обломки двух круглых днищ.

Разреженный орнамент, видимо, покрывал всю внешнюю поверхность сосудов. 20 небольших фрагментов без орнамента скорее относятся к неорнаментированным участкам сосуда, чем к сосудам, совсем не орнаментированным. По О.Н. Бадеру «из 127 обломков, не вошедших в разборку по сосудам, 62 вовсе не имеют орнамента». Орнаментальные композиции состоят из рядов длинных наклонных гребенчатых оттисков, разделенных рядами горизонтальных оттисков; из рядов оттисков, имеющих в соседних рядах наклон в разные стороны; из рядов коротких гребенчатых оттисков, разделенных неорнаментированными поясами, шириной до 3 см. Один фрагмент – от небольшого сосулика, орнаментированного глубокими, подчетыреугольной формы наколами (рис.7/11). О.Н. Бадер отметил наличие «шагающей гребенки».

Два венчика орнаментированы по обрезу; в одном случае – ряд наклонных гребенчатых оттисков, в другом – наклонные оттиски гладкого штампа. У трёх сосудов по внутреннему краю нанесен ряд коротких гребенчатых оттисков (2 сосуда), горизонтальный зигзаг из недлинных оттисков (1 сосуд). По О.Н. Бадеру «на 6 уплощениях венчиков орнамент в виде косо поставленных вдавлений зубчатого штампа». Наиболее близкие аналогии рассматриваемой керамике имеются в гаринской керамике Прикамья, например, поселения Бор I (Бадер, 1961, с.22–67) и Астраханцевского (Бадер, 1959).

В отличие от описанных, 28 фрагментов имеют плотное тесто с примесью шамота и очень мелкого песка. Органическая примесь почти отсутствует. Внешняя поверхность тщательно заглажена, но на внутренней поверхности иногда различимы тонкие штрихи. Следов обработки сосудов зубчатым орудием не обнаружено. Толщина стенок 0,8–1,0 см. Фрагменты серо-желтого цвета, изредка красноватого оттенка. На одном венчике – коническая сверлина с внешним диаметром 0,8 см, с внутренним – 0,4 см (рис. 7/2).

Орнаментальные композиции состоят из рядов клиновидных оттисков гладкого штампа, разделенных горизонтальным зигзагом из таких же оттисков; рядов овальных оттисков гладкого штампа, с неорнаментированными поясами шириной 3,5 см; рядов наклонных гребенчатых оттисков. На одном фрагменте плохо различима «шагающая гребенка».

Эта небольшая группа керамики близка «флажковой», выделенной О.Н. Бадером на Ново-Ильинском III поселении (Бадер, 1961б, с.60–75).

В коллекциях с Лёвшинской дюны присутствуют также редкие обломки ананьинской керамики. Из них два венчика с веревочным орнаментом (рис. 6/19,21). В глиняном тесте венчика с подчетырёхугольными отверстиями очень незначительная примесь талька (рис. 6/19).

О.Н. Бадер отметил и несколько фрагментов *ломоватовской керамики*.

Каменный инвентарь с Лёвшинского памятника, за исключением выделенного мезолитического комплекса, по мнению О.Н. Бадера, может быть связан либо с неолитической, либо с керамикой эпохи металла. Имеются наконечники стрел, как листовидной неолитической формы, так и с усеченным основанием, типичные для гаринских поселений турбинской культуры (рис. 8). Что касается медного ножа и шила, найденных в Лёвшино, О.Н. Бадер считал, что нож можно связывать с керамикой финального неолита.

Итак, имеющиеся материалы свидетельствуют, как минимум, о трёх периодах заселения Лёвшинской дюны, исключая эпоху железа. Судя по распространению кремневых изделий микролитического облика, древнейшая позднемезолитическая стоянка занимала, по О.Н. Бадеру, среднюю, наиболее высокую часть дюны, что не раз отмечалось для такого рода памятников.

Второй период обитания Лёвшинской дюны – поздненеолитическое время. О.Н. Бадер отмечал, что неолитическая керамика распространена на всем протяжении Лёвшинской дюны. Об одновременности и взаимной связи всех частей неолитического поселения, по его мнению, свидетельствует тот факт, что обломки одного и того же сосуда (рис. 4/13) найдены в 1925 г. А.В. Шмидтом как в главном раскопе, так и в двух юго-западных.

Керамика эпохи раннего металла, напротив, обнаружена А.В. Шмидтом только в главном раскопе, что позволяет предполагать, по О.Н. Бадеру, более узкую локализацию поселения этого времени, по сравнению с неолитическим.

Что касается «шагающей гребенки», то процент ее, на наш взгляд, не является хронологическим показателем, а отражает локальные особенности памятников (Калинина, 1979, с.26). Следует, однако, учитывать, что признаки, свидетельствующие об относительно позднем возрасте лёвшинской неолитической керамики, характерны лишь для части сосудов, в то время как другие имеют более архаичный облик. Это явствует из приведенного выше описания керамики.

К лёвшинскому этапу камского неолита О.Н. Бадер относил, кроме Лёвшино, поселения Сауз I и Чернашка (Бадер, 1970, с. 167). Проведенный нами статистический анализ подтвердил, что гребенчатая керамика поселения Сауз I по

процентному соотношению ранних и поздних признаков близка лёвшинской керамике (Калинина, 1979, с.5–27).

Материалы с поселения Чернашка немногочисленны. В свое время Г.М. Буров причислял поселение Чернашка к вычегодско-вятской культуре. Опубликован один реконструированный сосуд – его опоясывают ряды ямочных вдавлений с «жемчужинами» с внутренней стороны. Между тем, одним из отличительных признаков камской неолитической культуры является полное отсутствие в орнаментации сосудов глубоких конических ямок с соответствующими выпуклостями на внутренней поверхности сосудов (Бадер, 1970, с.157). Сосуды со столь отогнутыми наружу венчиками также не встречены ни на одном из поселений камского неолита, в том числе, и на Лёвшино.

В 1970 г. в работе «Уральский неолит» в таблицах, иллюстрирующих материальную культуру лёвшинского этапа, О.Н. Бадер опубликовал под № 119 сосуд со стоянки Саузовская II (Бадер, 1970, рис. 2), а в 1973 г. в работе «Волгокамская этнокультурная общность эпохи неолита» – этот же сосуд под № 15, как происходящий из I Саузовской стоянки. Видимо, во втором случае – типографская опечатка, поскольку в 1980 г. сосуд опубликован О.Н. Бадером и А.А. Выборновым среди материалов II Саузовской стоянки (Бадер, Выборнов, 1980, с. 130, рис. 3). По мнению авторов указанной статьи, сосуд относится к комплексу «флажковой керамики» и, следовательно, не имеет отношения к камскому неолиту. Сосуды подобной, расширенной кверху формы, отсутствуют на поселениях камского неолита. Наиболее близкие аналогии опубликованному сосуду имеются в керамическом материале поселений борского этапа турбинской культуры в Прикамье, например, сосуд из жилища № 2 поселения Бор V (Бадер, 1961а, 91, рис.57). Итак, из опубликованных О.Н. Бадером сосудов к лёвшинскому этапу камского неолита, бесспорно относятся лишь сосуды № 1–3 с поселений Лёвшино и Сауз I (рис. 9).

Р.С. Габяшев к лёвшинскому этапу камского неолита относил поселения Нижнего Прикамья, типа Русско-Азибеевского, по наличию на последних сосудов «с подцилиндрическими горлами, намеченными плечиками и округло-уплощенными днищами» (Габяшев, 1978а, с. 16). Но на Русско-Азибеевском поселении Р.С. Габяшев выделил 4 типа сосудов, в том числе и «профилированные с отогнутыми или воротничковыми венчиками, орнаментированные оттисками средне- и крупнозубчатого штампа и перевитым шнуром» (Габяшев, 1978б, с. 17). Все 4 типа сосудов, по его мнению, относятся к одному комплексу (Габяшев, 1978в, с.22-39).

На наш взгляд, культурно-хронологическая специфика лёвшинского этапа не позволяет отнести к последнему памятники Русско-Азибеевского типа. Подавляющее большинство перечисленных признаков керамики этого поселения (воротничковые и отогнутые наружу венчики, округло-уплощенные днища, намеченные плечики у сосудов, применение при орнаментации крупнозубчатого штампа и перевитого шнура) абсолютно чужды культуре камского неолита.

Столь неоправданно расширительное толкование «лёвшинского этапа» привело к предположению о сосуществовании энеолитической самарской культуры лесостепного Поволжья с поздненеолитическими племенами камской культуры (лёвшинского типа) и о воздействии самарской культуры на камскую, что выражается в появлении воротничкового оформления венчиков, близких форм сосудов и некоторых орнаментальных композиций (Васильев, 1980, с.5).

Но нашему мнению, поздненеолитические, по Р.С. Габяшеву, памятники Нижнего Прикамья Русско-Азибеевского типа, и энеолитические памятники

лесостепного Поволжья, по сравнению с лёвшинским этапом камского неолита, хронологически более поздние. Для заключительного этапа камского неолита О.Н. Бадер принял предложенную А.В. Шмидтом и поддержанную Н.А. Прокошевым для Лёвшино в целом дату: конец III – начало II тыс. до н.э.

В настоящее время дата эта должна быть пересмотрена. Наметившаяся тенденция удревления неолитических культур смежных регионов, новые данные по хронологии волосовской культуры, синхронной турбинской культуре Прикамья, позволяют приблизить дату рассматриваемого этапа к концу IV тыс. до н.э., что не противоречит предложению О.Н. Бадера о более раннем, чем принято считать, возрасте первых этапов существования камской культуры.

О.Н. Бадер называл лёвшинский этап энеолитическим, исходя из его интерпретации находки медного ножа. Но у О.Н. Бадера не было сомнений в отношении памятников лёвшинского типа к культуре камского неолита. Керамика же памятников Русско-Азбеевского типа близка, на наш взгляд, «флажковой» энеолитической. Последняя, возможно, складывается на основе традиции не только камской, но и керамики, орнаментированной «насечками» (Калинина, 2003).

Таким образом, нам представляется правомерным выделение лёвшинского этапа, как заключительного в развитии камской неолитической культуры. В последующее за лёвшинским этапом энеолитическое время наблюдаются лишь переживания отдельных черт традиции камского неолита в среде иных, своеобразных культур, которые складываются в эпоху раннего металла в Среднем и Нижнем Прикамье.

Литература:

- Бадер, 1949.* – Бадер О.Н. Из новейших археологических исследований Чусовского отряда ГИН // БКИЧП. – М. –Л.: АН СССР, 1949. – Вып.14. – С.121–132
- Бадер, 1950.* – Бадер О.Н. Археологические памятники Прикамья и их научное выявление: Пособие для начинающих археологов и краеведов. – Молотов: Молотовгиз, 1950. – 114 с.
- Бадер, 1957.* – Бадер О.Н. Хронология формирования аллювиальных террас на Урале в археологическом освещении // ТКИЧП. – 1957. – Вып. XIII. – С.307–314
- Бадер, 1959.* – Бадер О.Н. Астраханцевское поселение в устье Чусовой // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии АН СССР. – М., 1959. – Вып. 1. – С.87–112
- Бадер, 1961a.* – Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. – М. –Л.: АН СССР, 1961. – № 99. – 200 с.
- Бадер, 1961б.* – Бадер О.Н. III Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции. – М., 1961. – Вып. 2. – С. 60–75.
- Бадер, 1966.* – Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА. – М. –Л.: АН СССР, 1966. – № 126. – С.197–205
- Бадер, 1970.* – Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 157–171.
- Бадер, 1973.* – Бадер О.Н. Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // МИА. – М. –Л.: АН СССР, 1973. – №172. – С.99–106

- Бадер, Выбрнов, 1980.* – Бадер О.Н., Выбрнов А.А. Саузовская П стоянка в устье р. Белой и некоторые проблемы неолита-энеолита Приуралья // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев: Куйб. гос. пед. ин-т, 1980. – С.124–137
- Буров, 1967.* – Буров Г.М. Древний Синдор. – М., 1967. – С. 94–102.
- Васильев, 1980.* – Васильев И.Б. Энеолит лесостепного Поволжья // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тезисы докладов. – Оренбург, 1980. – С. 5.
- Габяшев, 1978а.* – Габяшев Р.С. Неолит Нижнего Прикамья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Казань, 1978. – 23 с.
- Габяшев, 1978б.* – Габяшев Р.С. Хронология неолита Нижнего Прикамья // КСИА. – М.: Наука, 1978. – № 153. – С.74–76
- Габяшев, 1978в.* – Габяшев Р.С. Русско-Азиевская стоянка // Древности Икско-Бельекого междуречья. – Казань, 1978. – С. 22–39.
- Ефименко, 1948.* – Ефименко П.П. До питання про джерела культури пізньої бронзи на території Волго-Кам'я // Археологія. – Київ, 1948. – Т. II.
- Калинина, 1979.* – Калинина И.В. Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // АСГЭ. – 1979. – №20. – С. 5–27.
- Калинина, 1980.* – Калинина И.В. Керамика с «насечками» поселения Сауз I // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тезисы докладов. – Оренбург, 1980. – С. 13–14.
- Калинина, 1984.* – Калинина И.В. Позднеэнеолитическая керамика I Саузовского поселения (К вопросу о трансформации культуры камского неолита при переходе к эпохе металла) // АСГЭ. – 1984. – №25. – С. 24–30.
- Прокошев, 1940а.* – Прокошев Н.А. К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья // МИА. – М.–Л.: АН СССР, 1940. – № 1. – С.11–40
- Прокошев, 1940б.* – Прокошев Н.А. Некоторые итоги изучения позднеэнеолитических стоянок района устья р. Чусовой (1934-1937 гг.) // БКИЧП. – 1940. – № 6-7. – С.80–81
- Черных, 1970.* – Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. – М.: Наука, 1970. – №172. – 180 с.
- Шмидт, 1940.* – Шмидт А.В. Стоянка у станции Левшино // СА. – М.–Л.: АН СССР, 1940. – №V. – С.1–30
- Халиков, 1960.* – Халиков А.Х. Материалы к изучению населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Труды Марийской археологической экспедиции. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1960. – Т. 1. – 187 с.
- Халиков, 1969.* – Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 396 с.

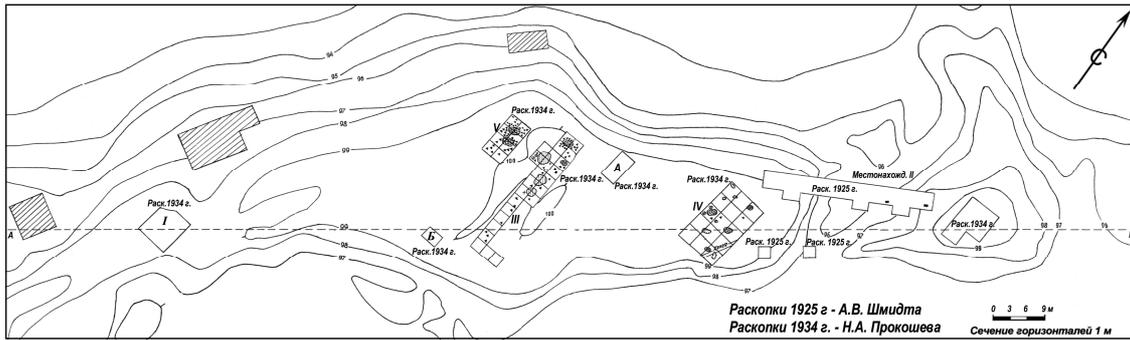

Рис. 1. Общий план Левшинской стоянки

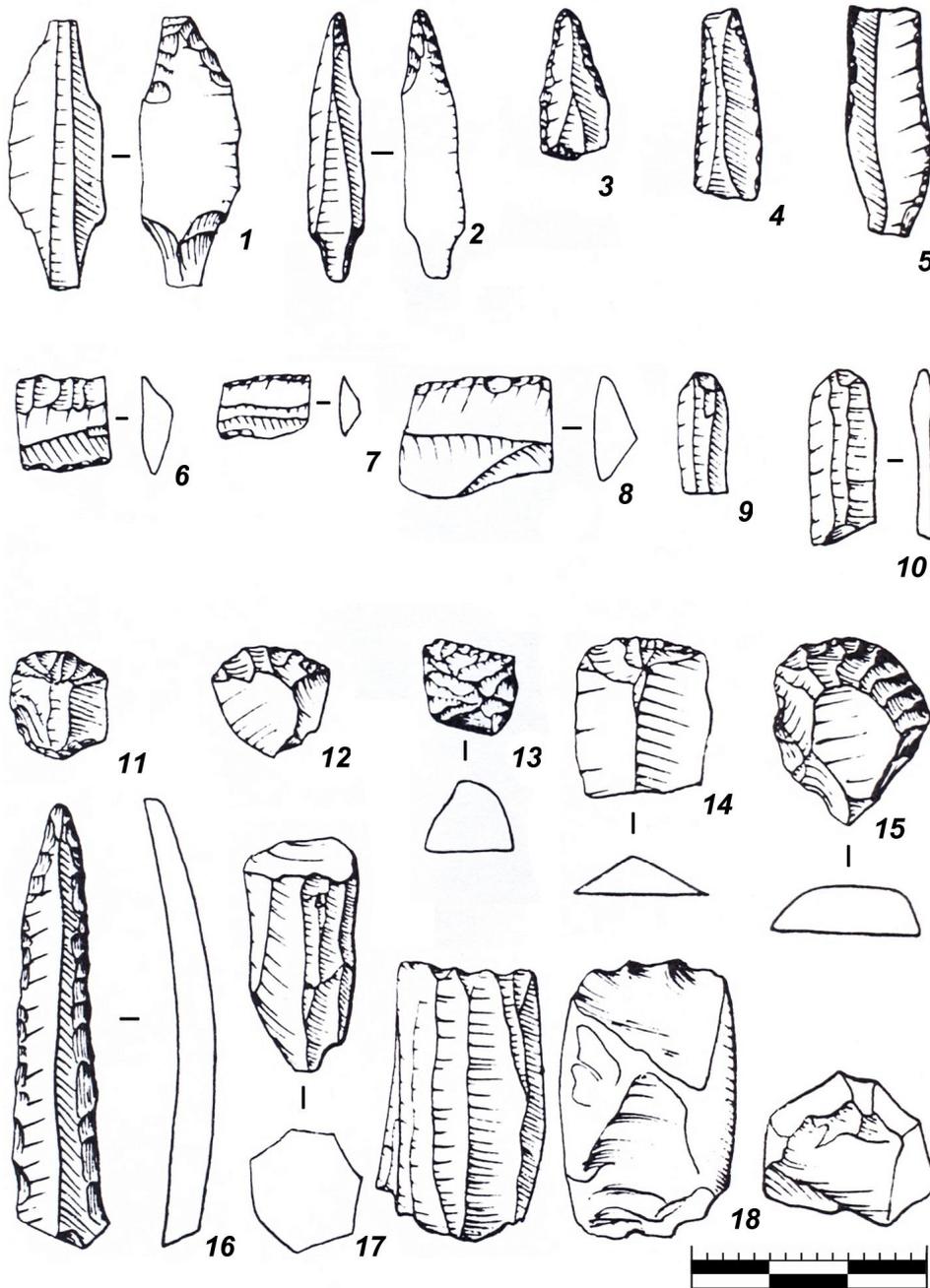

Рис. 2. Мезолитический кремневый инвентарь из раскопок Н.А. Прокошева 1934 г. (хранится в ГЭ). 10 – из сборов С.И. Сергеева (хранится в Свердлов. обл. музее)

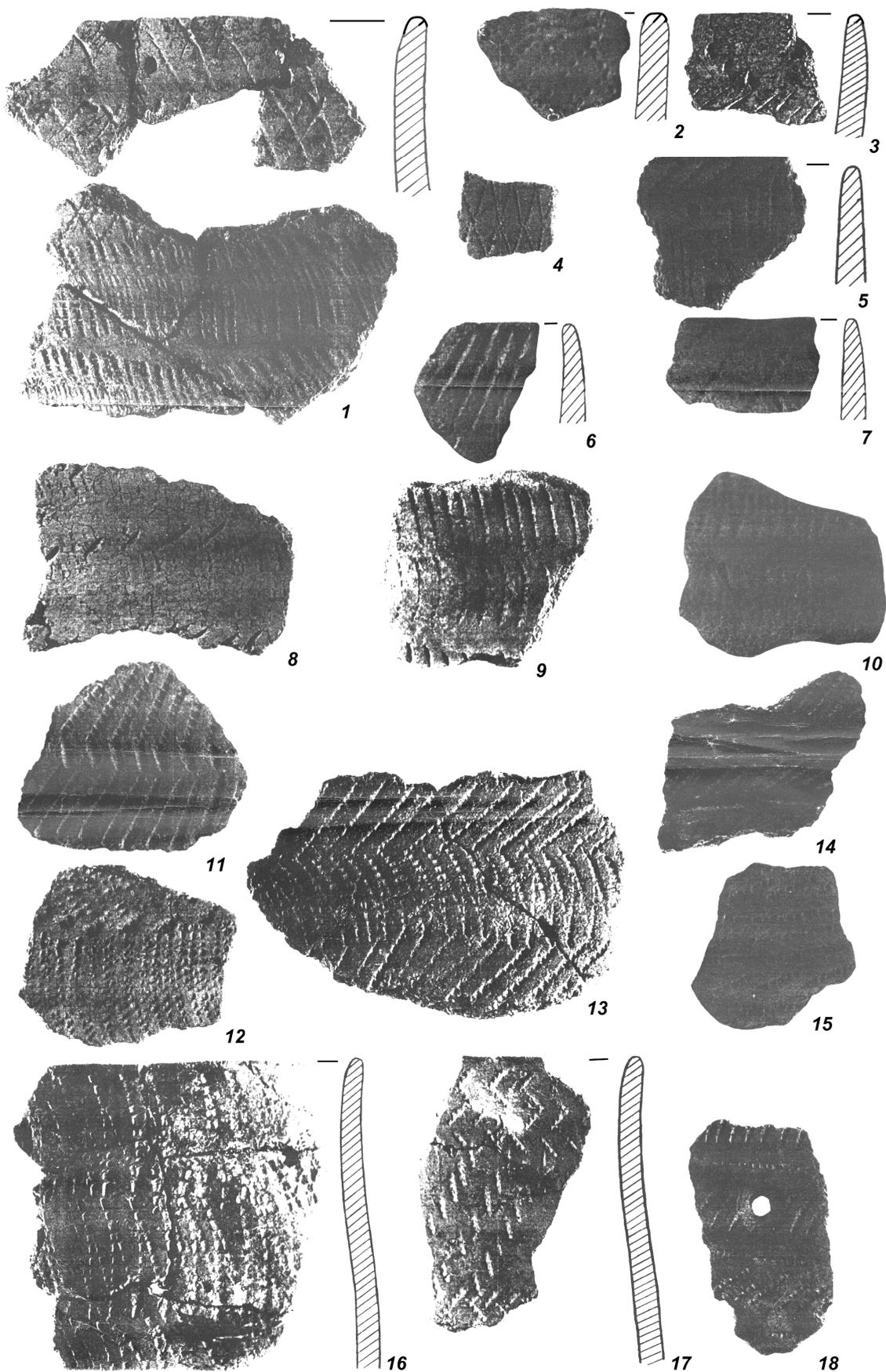

Рис. 3. Керамика поздненеолитического типа

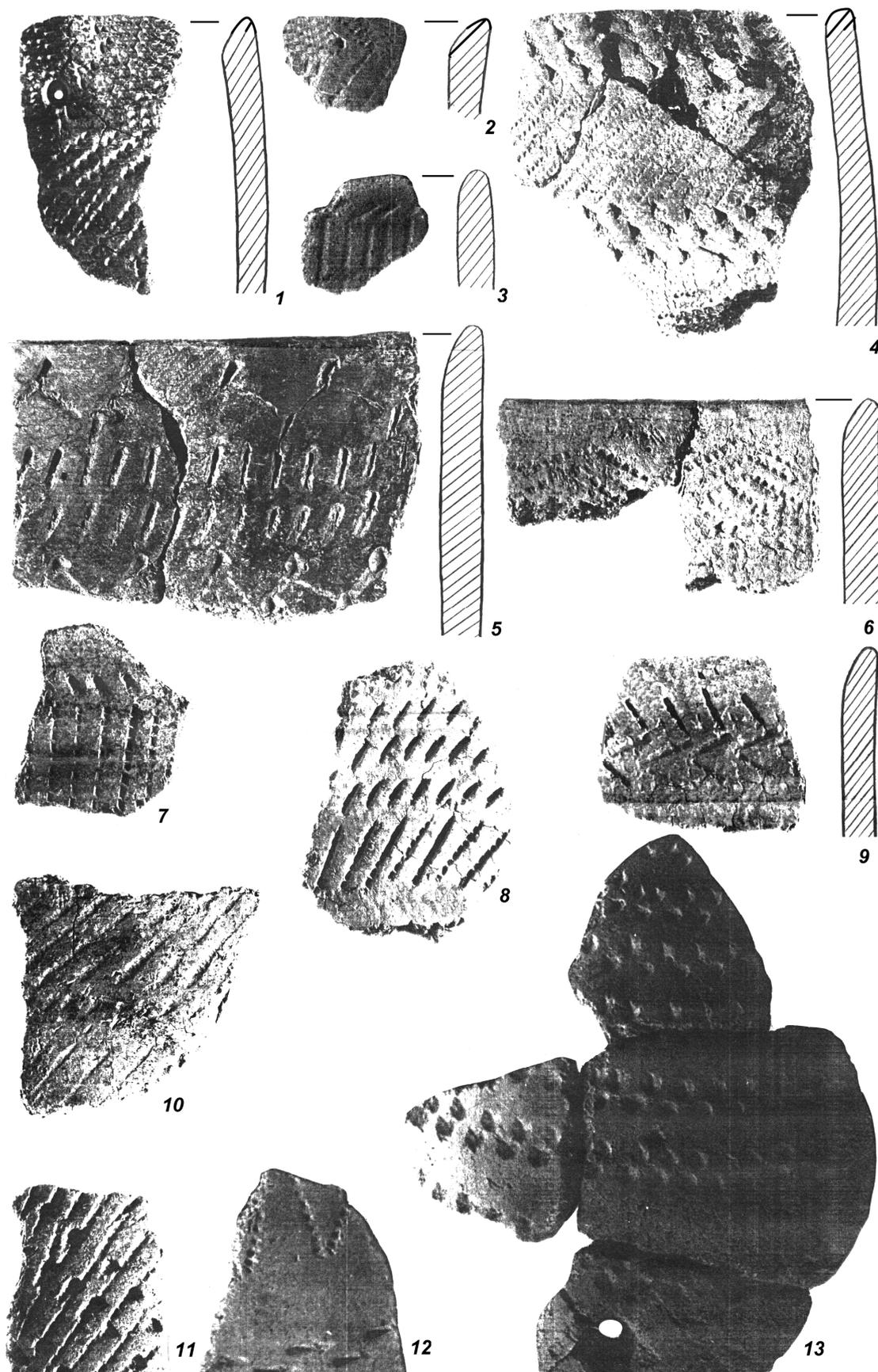

Рис. 4. Керамика поздненеолитического типа

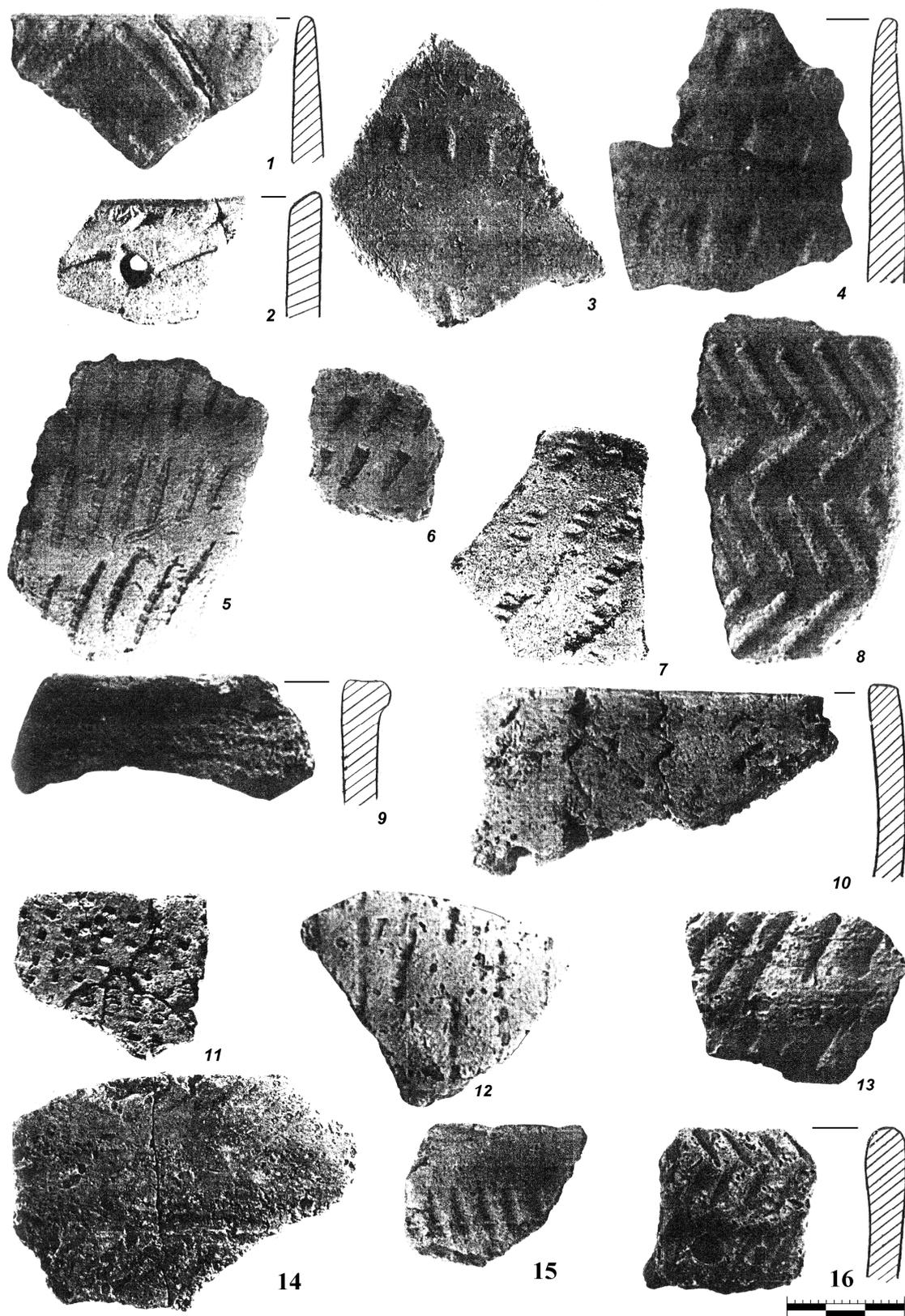

Рис. 5. Керамика гаринского типа

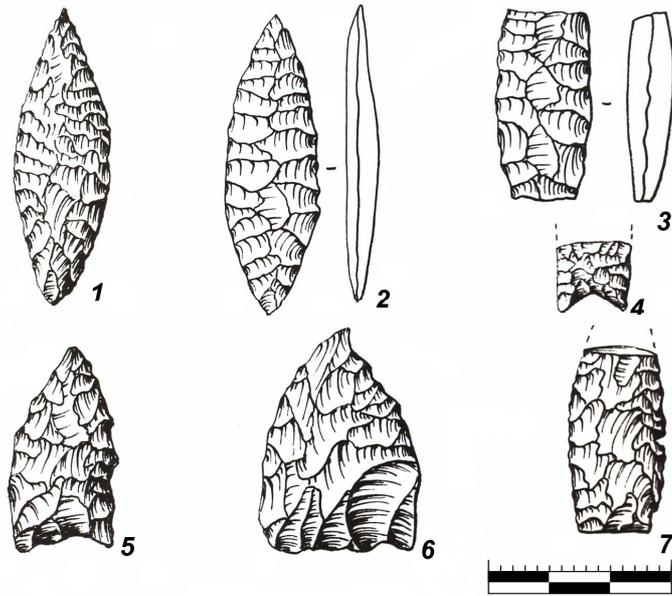

Рис. 6. Кремневые наконечники стрел неолитического (1, 2) и гаринского (3-7) типов. (1, 4-7 – из раскопок А.В. Шмидта 1925 г.; 2, 3 – из сборов С.М. Сергеева)

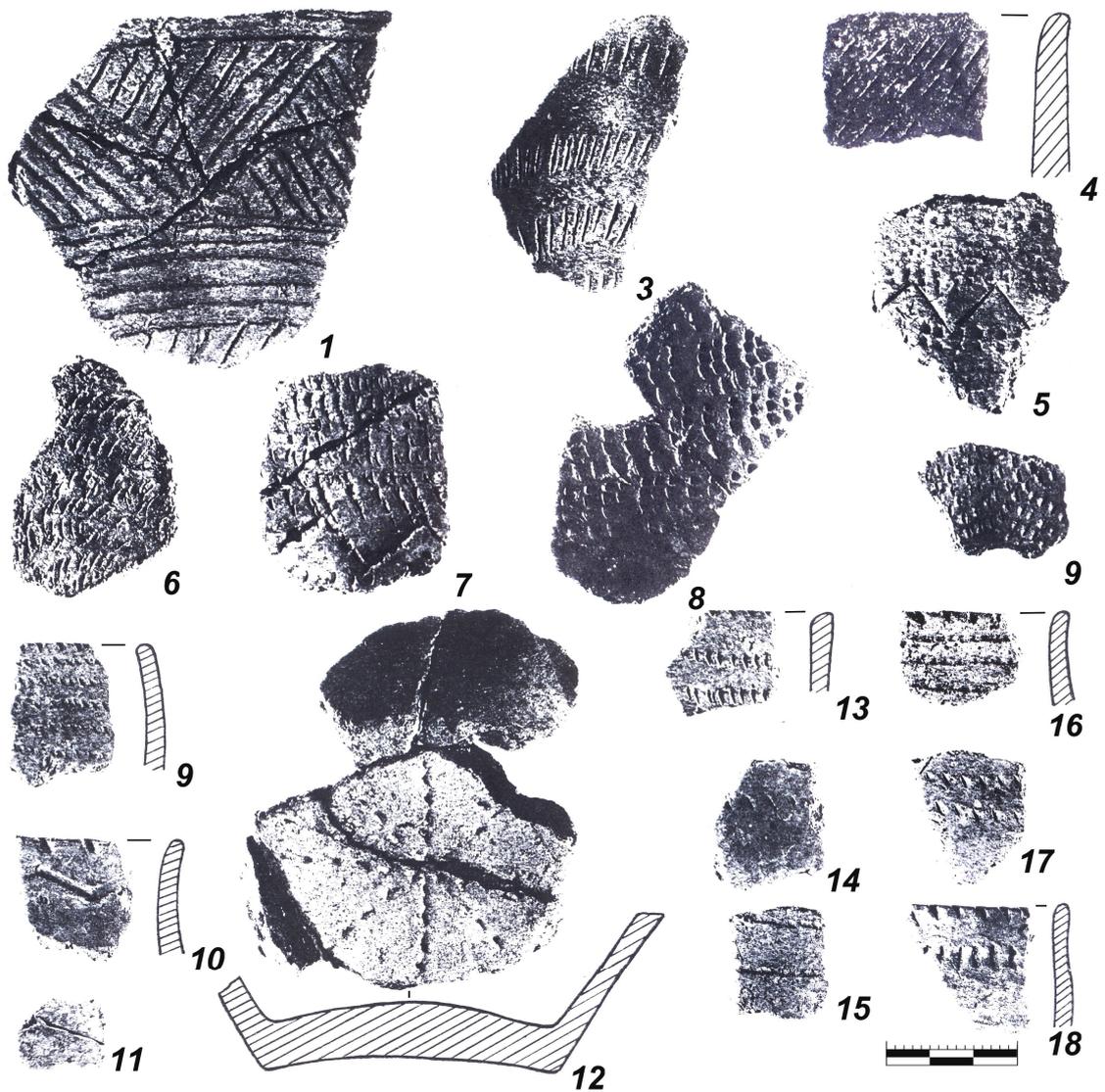

Рис. 7. Керамика поздненеолитического типа (накольчатый комплекс)